

Вокруг все было серым. Разных оттенков, но цвет один и тот же, серый. В углах, ближе к полу, наросты чего-то очень дурно пахнущего, аж глаза ест, а с потолка идет ровное, но весьма тусклое свечение. Какие-то непонятные голоса поблизости, различаются мало, и все как один на непонятном языке, никогда не слышал ничего подобного.

Шаги я услышал в тот момент, когда уже хотел встать, осмысление начинало проникать, наконец, в мои уставшие мозги, и сил оставаться в неведении больше не было. Легкий пинок под зад лишь добавил мне ускорения. Резко повернув голову, вижу ноги и перевозжу взгляд выше, стараясь оглядеть того, кто меня пнул. Человек. Мужчина. Ростом вроде невелик, да и фигура какая-то субтильная, но лицо интересное, злости на нем не просматривается, вообще без эмоций. Он что-то говорит, но я не понимаю ни слова, видимо, этот человек злится и вновь пихает меня ногой, на этот раз прилетает куда-то в район бедра. На мужике

тяжелая на вид обувь, и удар, вроде бы и не сильный, причиняет мне боль.

— Чего надо? Больно же! — восклицаю я негромко и затыкаюсь, услышав свой собственный голос. Да, за то время, что я тут сидел, вроде уже осознал, что я какой-то другой, но услышав голос...

Мужик вновь что-то быстро говорит и куда-то уходит, а я пытаюсь опять себя рассмотреть. Тонкие короткие ручонки, такие же ноги... Господи, да кто же я такой, ребенок?!

Последнее, что я помню до того, как открыл глаза и увидел эти самые стены, — навалившаяся темнота и слабость. Не помню даже, чем я вообще занимался и, самое страшное, кто я? Раз удивляюсь тому, что я ребенок, значит, я когда-то был взрослым? Мозги просто кипят, и очень чешется шея.

В голове какая-то каша, ни на чем не могу сосредоточиться, мысли лезут разные, много, но ни одну не удастся остановить, сконцентрироваться на ней и понять хоть что-нибудь. Удивительное состояние, никогда... Интересно, а и правда, испытывал ли я когда-нибудь такое?

«О, а это что за хрень?» — ощупав шею, нахожу на ней какой-то предмет. Мягкий, но одновременно неподатливый и нерастяжимый.

«Откуда я знаю, что такое растяжимость?» — ни хрена не понимаю.

Мужик, пинавший меня недавно, возвращается с еще одним, этот чуть выше, лицо злобное, в отличие от первого разница значительна. Меня грубо хватают за руки, смотрят прямо в глаза, что-то отрывисто спрашивают. В нос бьет отвратительный сивушный запах, но отвернуться не могу, держат сильно.

Не получив от меня ответов, а я пару раз крикнул, что ничего не понимаю, меня вновь отпустили, причем резко как-то, я даже на задницу плюхнулся. Отбил немного, но, потеряв ушибленное место, вновь начал осматриваться.

«Стены, несомненно, из какого-то металла, но они... теплые. Это не в помещении тепло, ниоткуда не дует, и батарей нет, это именно теплые стены. Интересно! Так-так, я знаю, что такое металл... Очень интересно». Мыслей вообще, как и говорил, в голове прорва, но почему я ничего не помню о себе?

Следующий приход незнакомцев принес новые ощущения. Меня грубо схватили и потащили куда-то по коридору, я не извивался, вообще не оказывал сопротивления, смысл? Ничего сделать двум взрослым мужикам я не смогу, только вызову еще большее недовольство с их стороны, да и что-то мне

подсказывает изнутри, что, возможно, некоторые ответы я получу в ближайшее время.

Это... Это должно было быть какой-то медицинской палатой, как мне показалось. Откуда эти мысли, даже уже не пытаюсь угадать, буду надеяться, что когда-нибудь все прояснится. Сейчас же я видел перед собой нечто специфическое. Маленькая каморка, размером с кухню в хрущевке...

«Вот, опять! Какая такая «хрущевка»? А-а, по фигу, все потом!»

Посреди комнатки, все с такими же серыми стенами, установлено кресло, чем-то смутно напоминающее... стоматологическое.

«Нет, нужно все же быстрее осознавать себя, эти мысли из ниоткуда сведут меня с ума. Ну откуда я знаю эти слова?»

Меня забросили на это самое кресло, и я осознал себя таким беспомощным, что чуть не завыл. Руки пристегнули к поручням, ноги также зафиксировали, дергаться было бесполезно, а на голове я почувствовал что-то холодное и жесткое. Страх, животный, поднимающийся из самых глубин сознания, сковал все тело и прокатился, как цунами, по моему рассудку. Приготовиться к такому нельзя, это что-то невообразимое. Что со мной будет? Что сейчас со мной сделают эти люди? В ушах стучала кровь, и мысли лезли одна страшнее другой.

Почему-то представилась темная яма, даже, скорее, какой-то темный, без дна, провал. Кажалось, еще секунду, буквально долю секунды, и я рухну внутрь этого темного зева, где меня не ждет ничего хорошего.

В виски внезапно ударило что-то острое, сквозь мозг пошла какая-то волна, не боль, скорее просто неприятные ощущения. Понять, что именно чувствую, не успел, перед глазами стало темно и, наверное, я потерял сознание.

— Ну, Берг, долго еще? Чего-то он какой-то неживой! — Глаза я не открывал, но пришел в себя от голосов вокруг. То, что я понимаю, о чем говорят, меня даже обрадовало.

— Ты же понимаешь, что он еще очень мал, если бы не твоя настойчивость, я вообще не взялся бы за такое! Нейропрограммирование в таком возрасте не рекомендуется, мозг еще не сформирован окончательно, на выходе он может стать овощем, а может и попросту не очнуться. Смотри вон, лужа под ним, мне еще теперь отмывать здесь все!

— Мне плевать на его мозги, главное, чтобы он мог работать! Кого нам подсунули эти наемники, черт? Я слышал нечто похожее ранее, он же — дикий, так?

— Похоже на то, но ты же знаешь, с детьми они обычно не возятся, если пережили транс-

портировку, идут на органы или в «личное пользование».

«М-мать! Какое, на хрен, личное пользование? Какие органы? Вы, суки, о чем?» — пролетело у меня в голове, и я здорово напрягся. Наверное, этим я себя и выдал, так как разговор резко прекратился.

— Пришел в себя, сканирование показывает норму, но ментальное и психологическое состояние неустойчивое, показатели зашкаливают. Он очень странный, для ребенка слишком высокая активность мозга...

— Эй, ты меня понимаешь? Открой глаза, мы знаем, что ты очнулся...

Скрывать дальше свое состояние было невозможным, видимо, я под какой-то серьезной аппаратурой, и притворяться не получится. Хотелось, очень хотелось бы побыть немного наедине с собой, понять, осознать, что вокруг, где я вообще и что здесь, на хрен, происходит.

— Д-да, где я, кто вы? — непривычным для себя голосом проговорил я, впрочем, не только голос, язык тоже непривычный, что-то вроде итальянского, почему-то ассоциации именно такие. Кстати, эти грубые мужики и внешне были похожи именно на выходцев с «Сапога», такие же чернявые, но явно не арабы, а еще у них очень бледная кожа. От такого контраста они кажутся еще более зловещими, чем при моем первом пробуждении.

— Неважно, — отмахнулся от моих вопросов один из мужчин, кстати, этого я раньше не видел, но почему-то я решил, что это врач. — Что ты помнишь?

— Я... — я действительно задумался и попытался вспомнить, — я не знаю.

— Понятно, обнулили и скинули, он как младенец сейчас, но судя по показателям, с головой все в порядке, — произнес «врач».

— Ну и хорошо, значит, работать сможет, на остальное мне плевать!

— Однако же, Лен, я бы посоветовал тебе дать ему немного оклематься, все же он дикий, иначе съедет с катушек, и ты потеряешь деньги.

— Ладно, Берт, посмотрим, сколько с меня?

— Сотня, — пожал плечами «врач», — стандартный же набор.

— Скину чуть позже, хорошо? Не брал с собой планшет, — резюмировал Лен.

«Что за имена такие?» — ощущения мои изменились. С момента, как стал понимать говоривших, наступило какое-то облегчение, что ли. С каждой минутой в голове становилось все светлее и, похоже, мысли начали укладываться в какое-то подобие порядка.

Итак, я где-то хрен знает где, хрен знает кто и когда. Мое тело детское, говорю на незнакомом языке и понимаю говорящих со мной. Все вокруг, от людей до техники, совершенно

незнакомо и вызывает неподдельный интерес. Что будет дальше, проживем — увидим. И да, я наконец вспомнил, кем я был.

Здравствуете, я Иван Игоревич Бельский, мне шестьдесят три года... было... когда-то. Я специалист по компьютерной безопасности, работал на Ленинградской АЭС. Последние воспоминания датирую две тысячи пятьдесят седьмым годом, дальше темнота и детское тело. В тот день на станции происходила какая-то чертовщина, по-другому не скажешь. Попеременно отключалось оборудование, слава богу, что все системы дублированы неоднократно и остановки реакторов не произошло. Или произошло? Черт, а может, это реально грохнулся реактор или даже вся станция? Я помер быстро и безболезненно, а как я очутился здесь? Реинкарнация? Чушь, не верю. Но тогда как объяснить происходящее? Интересно, что подразумевал этот самый Лен, говоря о том, что для него главное, чтобы я работал? Кем? Я же — ребенок!

Место жительства мое — подстилка в темном помещении. Ладно хоть не таком вонючем, как то, в котором я впервые в новой жизни пришел в себя. Ну да, новая жизнь, как это еще назвать? Я теперь ребенок и делаю то, что от меня требуют. Как будут меня ис-

пользовать, я узнал уже на следующий день... или ночь? В общем, через какое-то время. Мое непонимание того, где нахожусь, полная дезориентация, объяснилась просто. Для местных просто, для меня это был шок. Я на какой-то космической станции, хрен знает вообще, где это, но оказывается, в космосе мы, земляне, каковым я осознавал себя, точно не одни. Далеко ли моя родная планета, существует ли она вообще, не знаю ничего, а вот то, что из меня пытаются сделать банального воришку, понял быстро.

Таких, как я, было немало, пятнадцать мальчишек и пяток девочек, все разного возраста, но старше десяти лет, на мой взгляд, не было никого. Самому мне, опять же по личным ощущениям, было лет пять-шесть, не больше, перспективы — очуметь просто. Второй раз прожить детство, играющую гормонами юность, переход во взрослую жизнь, ответственность за близких...

Техника, на первый взгляд, достаточно сильно похожа на земную, но уровень этой самой техники на порядки выше. Взять хоть ту же одежду, это больше всего напоминало термобелье, но какое-то непривычное. Внутри мягко и тепло, снаружи как комбинезон из неизвестного материала. Электроника чудная, с возможностью построения 3D-проекций

прямо перед глазами и абсолютно вся с голосовым управлением. С помощью каких-то планшетов нас обучали примитивному взлому замков и устройств защиты. Как я понял, именно для этих целей и держали детей. Мы вызываем меньше подозрений, взрослые люди более лояльны к детям и редко ждут от нас чего-то дурного. Заниматься этим не хотелось вообще, но что поделаешь, никто не спрашивает твоего мнения. Мы привязаны к хозяевам не только ремешком на шее, это, кстати, самый настоящий рабский ошейник, а и банальной едой. Где на космической станции ребенку взять еду? Правильно, негде, вот и делаешь все, что от тебя требуется, в надежде получить вечером кусочек «пластилина». Да, беда с этим развитым миром, хотя даже представления еще нет о том, что это за мир вообще. Еды в моем понимании нет совсем, а уж нас, детей, и вовсе кормят вот этим. «Пластилином» я назвал это не просто так. И по внешнему виду, и по ощущениям, это и есть пластилин. Так же вязнет на зубах, такой же неприятный на вкус. Название у данного вида пищевого продукта — «рацион»: калорийное, практически полностью безвкусное нечто с легким запахом... бисквита. Это самое близкое, с чем у меня возникла ассоциация. Откусываешь, жуешь, во рту эта субстанция начинает медленно таять, и ты насыщаешься. Далеко не полностью, слишком

мало дают, раз в день кусочек размером десять на десять сантиметров. Видел я рацион целиком, кажется, если не ошибаюсь, его один делят на всех. С голоду не сдохнешь, но и растолстеть не получится никогда. Сильнее еды проблема с водой, ее очень мало, просто совсем мало. Три раза в день подходишь к какому-то кранику, напоминающему маленький фонтанчик, наклоняешься над ним, и вверх, тебе в рот, устремляется тонкая струйка воды, глотков на пять, не больше. Напиться — нереально, лишь горло смочить, при этом вода имеет явно тухлый привкус.

Этот самый Лен, ставший одним из первых местных, кого я здесь увидел, оказался человеком напичканным корыстными и равнодушными. Его интересовал только результат, это для меня было как-то непривычно и неприятно, но позже я осознал, что таково здешнее общество вообще, мир победившего индивидуализма. Все и всегда упирается в деньги и ценности, есть еще власть, но здесь, в этом самом месте, она выражается только во власти взрослых над детьми. Ничего из истории жизни и развития этого, нового для себя общества я пока не знаю, как они пришли к такому, к такой жизни, непонятно, но все заточено только на получение выгоды, а она здесь одна — деньги.

Я попытался разузнать у других детей, кто они и откуда, получал практически одинаковые ответы: всех похитили и продали, очнулись уже здесь, баста. То, что здесь развита активная работоторговля, воспринял тяжело, все же развитое общество, техника такая, что землянам и не снилась, а поди ж ты, рабство. С первого взгляда, дикость, но на практике все очень просто. Можно развивать себя, технологии это позволяют, но это большие деньги, гораздо проще купить рабов, они дешевы, и использовать их труд. Даже заменить рабов на роботов, как мечтали когда-то на Земле, не выйдет, дорого.

Прошло какое-то время, прежде чем я узнал хоть что-то о жизни вообще. В этом мире, или времени, правят технологии. Личные нейросети, различные импланты, дроны и дроиды, космические корабли и станции, чипы и прочее, но — все стоит денег. Больших денег. Даже у наших хозяев, тех, что занимаются с нами, нет установленных личных сетей, они дороги. Правда, я не совсем точен, тут еще дело в том, что каждый, кто стремится установить себе чип и личную сеть, боится ошибиться. Все они — одноразовые. Имплант нейросети вживляется прямо в мозг и срастается с ним, становясь одним целым, это своего рода человеческий апгрейд, люди научились усовершен-

ствовать то, что создано свыше. Вряд ли, как мне кажется, это закончится чем-то хорошим. Снять и использовать чью-то бывшую нейросеть можно лишь после смерти, и то ее после этого необходимо «очистить от следов бывшего владельца» специальным устройством, а это очень сложно и, опять же, дорого.

Мы находимся на какой-то богом забытой станции на краю обитаемого космоса, здесь все гораздо проще, чем в обжитых мирах, но оттого и сложнее. Самым ловким и удачливым из нас предстоит «работать» с людьми, остальные пойдут на космические свалки. Не, не в качестве биомусора, а также работать, только работа будет заключаться в кражах информации и электроники не у живых людей, а у охранных комплексов. Если честно, даже не представляю, как работать с «людьми», нужно каким-то образом вытягивать данные, передавать их нужным людям, но это очень сложно. А вот работа на свалках меня заинтересовала, там лишь техника, и обходить ее защиту мне интересно, ведь если вспомнить, я именно безопасник, да, думаю, это по мне.

Вообще, кажется, что мне повезло именно в том, что я — ребенок. Взрослые рабы идут на рудники, понятно, что в этом мире это не с киркой работать, но и хорошего мало. Техника же,

а для меня еще и совершенно запредельного уровня, меня даже манила. Интересно, как все это получится, в смысле, на деле.

Лен организовал обучение просто, у каждого из нас был небольшой планшет, в нем предустановленные программы, технарям, кто пойдет на свалки, еще выдадут каких-то дроидов в помощь. Кстати, удалось немного разузнать о работе на свалках, это не так просто, как мне казалось, там охрана серьезная, а детей набирают потому, что в основе своей датчики объема на нас ошибаются, взрослым там точно делать нечего, враз поймают. А свалки эти — имперской военщины, и добыть там можно очень много ценного. наших хозяев интересуют в первую очередь те ценности, что легче продать, а это личные вещи работников космоса. Личные сейфы, чипы с информацией и деньгами, украшения и... нейросети. Да-да, мы должны будем снимать сети с трупов, ежели таковых обнаружим. Для этого также есть специальное оборудование, и оно у нас будет. Вообще, все, что нам дадут, идет в долг, очень большой долг. Даже самые простые планшеты предстоит отработать, очуметь просто, хорошо устроились наши хозяева. Я буду на них пахать, все, что найду, у меня заберут, так и орудия труда мне надо зачем-то оплачивать... Не бред? А как такое еще назвать? Кстати, меня

удивил тот факт, что у самих хозяев нет сетей. Оказалось, все просто, с сетью его быстро вычислят, вот и все. Тут же люди намеренно шли на такие неудобства в жизни, стараясь зарабатывать много денег и завязать, уехав куда-либо и занявшись вполне легальной деятельностью. Это как заработать стартовый капитал незаконно: опасно, но довольно быстро. Одни поднимаются и уезжают, если выживают и не попадают, другие, работавшие ранее на них, начинают сами управлять этим отлаженным бизнесом, и так длится давно, поколениями. Только вот совсем недавно, лет пятьдесят назад, один из таких ухарей придумал использовать детей, и бизнес попер с новой силой.

Мне все было интересно, абсолютно все. Да и это понятно, я-то, уже поживший человек, много повидал, хоть и не в таком развитом обществе, а остальные, они же настоящие дети, им все происходящее вообще до лампочки. В первую очередь я полез искать информацию о мироустройстве, уж очень меня интересовало то, как здесь все устроено, каков порядок, но буквально с первых же минут понял, что эта затея преждевременна, — от обилия информации мне тупо стало грустно. Общее понял, а остальное решил оставить на потом, все же есть такое понятие, как нейропрограммирование. Я уже успел его на себе опробовать,